

Научная статья
УДК 343.103
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-143-150>

**Дискуссионные аспекты применения мер
уголовно-процессуального принуждения как начального этапа
привлечения к уголовной ответственности**

Лапатников Максим Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks4@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу этапа применения мер уголовно-процессуального принуждения как одного из имеющих место быть в отечественной науке подхода к определению начала привлечения к уголовной ответственности. Автор критически оценивает такой подход, отстаивая необходимость разрешения указанной проблематики в контексте составительского вектора развития уголовно-процессуального права России.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения, уголовная ответственность, состязательность, правовое государство

Для цитирования: Лапатников М. В. Дискуссионные аспекты применения мер уголовно-процессуального принуждения как начального этапа привлечения к уголовной ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 143—150. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-143-150>.

Original article

**Debatable aspects of the application of measures of criminal procedural
coercion as the initial stage of bringing to criminal responsibility**

Maxim V. Lapatnikov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, maks4@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the stage of application of measures of criminal procedural coercion as one of the approaches that take place in domestic science to determine the beginning of bringing to criminal responsibility. The author critically assesses this approach, defending the need to resolve this problem in the context of the adversarial vector of development of the criminal procedure law in Russia.

Keywords: measures of criminal procedural coercion, criminal liability, competition, rule of law

For citation: Lapatnikov M. V. Debatable aspects of the application of measures of criminal procedural coercion as the initial stage of bringing to criminal responsibility. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (60), pp. 143—150. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-4-143-150>.

Вопрос о начале возложения уголовной ответственности смело можно соотносить с категориями «спорный» и «дискуссионный». Но, несмотря на всю палитру мнений и позиций, доминирующим подходом в отечественной уголовно-правовой и процессуальной науке является позиция о том, что лицо начинает подвергаться уголовной ответственности еще задолго

до судебного решения, констатирующего его о виновности в совершении преступления.

Большинство советских специалистов утверждало существование так называемой «процессуальной уголовной ответственности», постулируя, что именно в рамках последней лицо начинает подвергаться ограничениям в связи с предположением о совершении им преступного

© Лапатников М. В., 2022

деяния и именно тогда у него возникает обязанность ответить за то нарушение уголовного закона, которое вменяется ему органами расследования. Соответственно, привлечение его к так называемой процессуальной уголовной ответственности рассматривалась как необходимая предпосылка для реализации материально-правовой уголовной ответственности [1, с. 291—292].

Как отмечает Ф. Н. Фаткуллин, «сама же уголовная ответственность является скорее межотраслевым правовым явлением. Она охватывает все предусмотренные законом, причем любым — и уголовным и процессуальным — законом, государственные меры ответа лица, совершившего преступление, и покоится на нормах как материального, так и процессуального права» [2, с. 14]. Согласно Ю. М. Лившицу, «уголовная ответственность имеет не только материальный, но и процессуальный смысл...» [3, с. 156]. Как подчеркивает Л. В. Багрий-Шахматов «...понятие “уголовная ответственность в процессуальном смысле” — не искусственная конструкция того или иного автора, а реальное явление, известное уголовному, уголовно-процессуальному законодательству, теории уголовного процесса и судебной практике» [4, с. 168].

Несмотря на единодушие в том, что уголовная ответственность охватывает и уголовно-процессуальную деятельность органов расследования, в ходе которой происходит привлечение лица к уголовной ответственности, сторонники процессуальной ответственности по-разному подходили к моменту определения ее начала. Большинство правоведов связывают начало привлечения уголовной ответственности с этапом привлечения лица в качестве обвиняемого, апеллируя, прежде всего, к законодателю. В советский период и в настоящее время, несмотря на все демократические реформы и наличие в Конституции Российской Федерации и других нормативных актах норм, позволяющих подвергнуть сомнению правомочность такого подхода (ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 ст. 14 УПК РФ), и уголовный, и уголовно-процессуальный законы, во многом по-прежнему связывают начало возложения на лицо уголовной ответственности с привлечением лица в качестве обвиняемого как обязательного элемента уголовной ответственности в целом (ст. 75—76.1, 299 УК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 154, п. 3 ч. 1 ст. 225, ст. 431 УПК РФ).

В то же время некоторые авторы в содержание уголовной ответственности включают не только привлечение лица в качестве обвиняемого, но и меры процессуального принуждения.

Такой подход сформировался еще в советское время, так как именно в то время получил распространение взгляд на уголовную ответственность как на совокупность всех мер негативного, ограничивающего характера, которые применялись к лицу в связи с совершением последним преступления. Так, А. И. Марцев сущность уголовной ответственности видел в тех тяготах и лишениях, которые государство возлагает на правонарушителя, в том числе и в ходе уголовно-процессуальной деятельности, приходя в итоге к выводу, что «уголовно-процессуальное законодательство, определяя порядок привлечения лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности, порядок расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде, в тоже время указывает на те неблагоприятные последствия, которые возникают для обвиняемого и подсудимого в связи с избранием в отношении него меры пресечения» [5, с. 59]. Н. А. Огурцов в содержание уголовной ответственности включал те меры пресечения, которые реально ограничивают свободу лица и имущественные права граждан, относя к ним подписку о невыезде, заключение под стражу, наблюдение командования воинской части и залог [6, с. 166]. С ним солидаризировался и Л. В. Багрий-Шахматов, который, в свою очередь, позднее скорректировал свою позицию, относя к формам реализации уголовной ответственности только те меры процессуального принуждения, которые применяются исключительно в отношении обвиняемого [7, с. 179].

Указанный выше тезис о мерах процессуального принуждения как неотъемлемого элемента уголовной ответственности несколько не потерял своей актуальности и в постсоветское время. Так, Е. Н. Бархатова, отталкиваясь от понимания уголовной ответственности как возникающей с момента привлечения лица в качестве обвиняемого обязанности отвечать за совершенное им преступление, включает в нее возможность подвергаться применению мер уголовно-процессуального принуждения, причем под последними подразумевая не только меры пресечения, но иные меры процессуального принуждения, указанные в части 1 статьи 11 УПК РФ [8, с. 134].

Однако практически все авторы, относившие к формам реализации уголовной ответственности меры процессуального принуждения, тем не менее однозначно указывали, что речь в данном случае идет только об обвиняемом, так как «у подозреваемого пока не возникла обязанность отвечать за то или иное деяние,

поскольку его отношение к этому деянию лишь предположительно. Подозреваемый не может нести ответственность за то, в чем даже не доказаны его участие и его вина». [8, с. 134]. Учитывая, что уголовная ответственность начинала (в соответствии с теорией процессуальной уголовной ответственности), возлагаться уже после привлечения лица в качестве обвиняемого, такое уточнение, по сути, не позволяет утверждать наличие отдельного, самостоятельного подхода «уголовная ответственность — меры процессуального принуждения». Речь здесь идет не более, чем о взглядах отдельных правоведов на содержание процессуальной уголовной ответственности, включающих в нее и применение мер процессуального принуждения к обвиняемому. Соответственно, избрание указанных мер к обвиняемому еще не означает начало привлечения к уголовной ответственности, так как в соответствии с общепринятыми взглядами привлечение к уголовной ответственности произошло уже ранее, при предъявлении обвинения. Очевидно, что эти взгляды по сути представляют собой лишь частное ответвление общего дискурса о процессуальной уголовной ответственности.

В то же время встречается и более радикальный посыл, подразумевающий отождествление начального этапа привлечения к уголовной ответственности с применением мер процессуального принуждения и к подозреваемому, что и позволяет выделить его в качестве отдельной, самобытной позиции, отождествляющей начало уголовной ответственности с применением мер процессуального принуждения.

Одним из сторонников такого подхода выступает К. В. Муравьев, отстаивающий «особую природу мер уголовно-процессуального принуждения как особых уголовно-процессуальных последствий уголовных правонарушений — не связанных с осуждением средств уголовно-правового воздействия» [9, с. 82]. При этом, в сравнении с указанными выше специалистами, по сути остающимися в рамках подхода «начало уголовной ответственности — привлечение в качестве обвиняемого», подход К. В. Муравьева основывается на следующих посылах:

— к уголовной ответственности привлекается не только обвиняемый, но и лицо, наделенное статусом подозреваемого в связи с применением к нему мер процессуального принуждения;

— в перечень мер процессуального принуждения, влекущих начало привлечения к уголовной ответственности относятся практически все меры процессуального принуждения, в том

числе задержание, меры пресечения, некоторые иные меры процессуального принуждения, а не только те, которые непосредственно ограничивают личную свободу лица;

— при этом в меры процессуального принуждения, не являющимися средствами уголовно-правового воздействия не включаются те, которые применяются в процессе доказывания, как, например, привод, удаление из зала судебного заседания;

— применение мер процессуального принуждения в данном случае, а следовательно, и привлечение к уголовной ответственности (или начальный этап привлечения к уголовной ответственности) происходит в отсутствие обязательных признаков, присущих привлечению к ответственности осужденного, а именно отсутствием доказанной вины, отрицательной уголовно-правовой оценки содеянного со стороны государства, судебного акта правосудия.

Как пишет указанный исследователь, его принятием (*акта применения мер процессуального принуждения*. — М. В.) обозначается этап индивидуализации государственного воздействия в связи с совершением преступления, а следовательно, и конкретизации содержания развивающегося уголовного правоотношения (уточняется объем субъективных прав и юридических обязанностей его участников) [9, с. 83].

В обоснование своего подхода указанный ученый приводит следующие аргументы *pro*:

а) цели применения мер процессуального принуждения имеют не только уголовно-процессуальную, но и уголовно-правовую природу, выходящую за рамки предупреждения возможных нарушений нормального хода уголовного судопроизводства. Задачи применения мер соответствуют задачам мер наказания, общим задачам уголовного права, закрепленным в части 1 статьи 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что и позволяет их относить к принудительным средствам уголовно-правового воздействия;

б) меры процессуального принуждения как особые средства уголовно-правового воздействия являются реакцией на предполагаемое преступное деяние, послужившее началом для производства по уголовному делу, в силу чего они не связаны с уголовно-процессуальными решениями;

в) применение ряда мер процессуального принуждения, обеспечивает общую и специальную превенцию преступлений, которая является и задачей уголовного закона;

г) меры процессуального принуждения — меры уголовно-правового воздействия имеют

схожий по своей принудительной природе характер с мерами наказания, что подтверждается правилом о зачете времени применения отдельных мер пресечения в срок некоторых видов наказания (ч. 3 ст. 3.1, ст. 72 УК РФ);

д) реализация мер исполнения отдельных мер пресечения возложена на тот же орган (ФСИН РФ), который осуществляет и применение уголовных наказаний [9, с. 82; 10].

Проанализируем каждый из обозначенных выше аргументов. Первый довод настаивает на двойственности задач мер процессуального принуждения, убеждая нас в их, в том числе и уголовно-правовой направленности, соответствии общим задачам, задачам наказания.

Однако позволим здесь не согласиться по следующим соображениям. Прежде всего, учитывая предназначение уголовно-процессуального права как процессуальной отрасли, в целом можно сказать, что весь уголовный процесс направлен на реализацию задач материального уголовного права, так как нормы уголовного права применяются и используются только в рамках соответствующей процессуальной формы, если, конечно, не учитывать так называемую концепцию позитивной уголовной ответственности, которая, впрочем, нами не поддерживается. С такой точки зрения, любой элемент уголовно-процессуальной деятельности в том или ином виде должен обеспечивать реализацию материального закона, так как именно этот закон определяет, преимущественно, предмет уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, именно он задает основную направленность уголовного судопроизводства — решение вопроса об уголовной ответственности.

Учитывая, что уголовное преследование в ее процессуальной форме начинается еще задолго до привлечения лица в качестве обвиняемого, а именно на этапе подозрения либо при производстве любых процессуальных действий, ограничивающих права и свободы лица в связи с предположением о его причастности к преступной деятельности [11], получается, что уголовная ответственность возникает уже при отобрании у лица объяснения на стадии возбуждения уголовного дела, явки с повинной либо при производстве у него обыска без постановления его в соответствующий процессуальный статус и т. д. Кстати, оперативно-розыскная деятельность тоже преследует, среди прочего, уголовно-правовые задачи, что позволяет, согласно этой логике, и ее включить в «особые средства уголовно-правового воздействия».

Но уголовный процесс реализует не только задачи уголовного права, но и в той мере, которая касается имущественных последствий совершенного преступления задачи гражданского права. Институт гражданского иска, отдельные элементы института реабилитации, связаны и регулированием гражданско-правовых отношений (ч. 1 ст. 2 ГК РФ), то есть и с задачами права гражданского, что по этой же логике позволяет и их отнести к «особым методам гражданско-правового регулирования». В свою очередь, в гражданском законодательстве можно обнаружить нормы, имеющие прямое отношение к уголовному судопроизводству (ст. 1070, ч. 3, 4 ст. 1081 ГК РФ).

Также следует отметить и достаточно абстрактный характер задач, указанных в части 1 статьи 2 УК РФ, позволяющий утверждать, что для решения этих задач предназначается не только уголовное и уголовно-процессуальное право, но и методы иных отраслей. Сравнение задач, указанных в части 1 статьи 2 УК РФ и статьи 1.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ), позволяет утверждать, что они, по сути, в содержательном аспекте в значительной степени совпадают, но законодатель в КоАП РФ мудро разграничил уголовно-правовую и административную направленность задач законодательства об административных правонарушениях указанием на их правовую природу, позволяющую разделить общественно опасные деяния на преступления и административные правонарушения. В конечном счете, все право выполняет одну задачу (цель) — регулирование общественных отношений, и зачастую грань между отдельными нормами, отраслями достаточно условна, но это не дает никаких оснований для включения таких элементов уголовно-процессуального регулирования, как меры процессуального принуждения, в содержание тесно связанного, но тем не менее отличного материально-правового института уголовной ответственности.

Подчеркнем нашу основную мысль — общность задач сама по себе еще не означает тождество правовой природы, не подразумевает отношения включенности между схожими, взаимосвязанными, но в то же время разными явлениями. Мы осознаем, что в реальной жизни все взаимосвязано и взаимозависимо, и не может быть однозначно отделено друг от друга, но признание общих целей недостаточно для вывода о тождестве. Такой посыл тем более верен, если учесть, что меры процессуального

принуждения направлены, прежде всего, на реализацию и «чисто» процессуальных задач, так как именно они «призваны обеспечить нормальное осуществление уголовно-процессуальной деятельности, надлежащее выполнение задач уголовного судопроизводства» [12, с. 19].

Не слишком удачным нам представляется и тезис о соответствии задач мер процессуального принуждения и задач мер наказания. Согласно уголовному закону меры наказания применяются для достижения трех задач — восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Последняя задача охватывается третьим аргументом, поэтому также будет проанализирована ниже.

Учитывая, что никакого осужденного до вступления приговора в законную силу не существует, можно говорить о том, что применение мер процессуального принуждения обеспечивает восстановление справедливости, но опять же это общая задача для всех так называемых охранительных отраслей права (уголовного, уголовно-процессуального, и, например, административного (в сфере производства об административных правонарушениях)). Но утверждать о восстановлении до вступления в законную силу итогового решения по уголовному делу, на наш взгляд, преждевременно, учитывая, что окончательно судьба человека, его имущества определяется только при таком раскладе.

Далее утверждается, что меры процессуального принуждения — это разновидность реакции на предполагаемое преступление, и, соответственно, они не связаны с уголовно-процессуальными решениями. Действительно, некоторые меры процессуального принуждения могут быть направлены на пресечение преступления, но это не дает основания для их включения в начало уголовной ответственности. В таком случае и задержание лица при попытке ограбления сотрудником патрульно-постовой службы также следует относить к началу реализации уголовной ответственности, так как здесь происходит реакция уполномоченного должностного лица на предполагаемое преступление.

Если же речь идет об исключительно уголовно-процессуальной реакции со стороны государства, то такая реакция не ограничивается одними мерами принуждения, но и воплощается в принятии решения о возбуждении уголовного дела, производстве следственных действий. Такое реагирование может осуществляться и в условиях отсутствия установленного

уголовно-правового отношения, при не подтверждении (или неполном подтверждении) состава преступления как основания уголовной ответственности, что не согласуется с требованием об установлении вины как обязательного условия привлечения лица к уголовной ответственности. Тот же факт, что общественная опасность преступления, его квалификация и другие уголовно-правовые признаки во многом (но не во всем) определяют решение о применении конкретных мер уголовно-процессуального принуждения выражает только одну из многих граней взаимосвязей уголовного и уголовно-процессуального права, а именно предметную направленность уголовно-процессуальной деятельности, определяемой материальным уголовным правом.

Так, еще в советское время справедливо отмечалось, что «из презумпции невиновности обвиняемого следует вывод, что применяемые к нему меры процессуального принуждения не могут рассматриваться в качестве начала реализации уголовно-правовой ответственности. ... однако характер этих мер связывается с общественной опасностью преступления не потому, что они рассматриваются как начало фактического несения ответственности, а потому, что характер и содержание процессуальной деятельности в целом находятся в тесной связи с характером и содержанием материально-правовых отношений, являющихся предметом процессуальной деятельности» [13, с. 50].

В качестве отдельного доказательства уголовно-правовой природы мер процессуального принуждения приводится общая задача превенции преступлений. Однако здесь применимы те же самые контрдоводы, которые уже обозначались нами в связи с аргументом «общности задач». Уголовное право, как и уголовный процесс, предоставляют лишь методы предупреждения совершения новых преступлений, но сама по себе превенция не имеет исключительно уголовно-правовую либо процессуальную природу. На обеспечение превенции направлены, например, административный надзор, устанавливаемый в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, меры по охране общественного порядка либо даже установление собственником сигнализации на свой автомобиль. Иначе следует признать, что по этому критерию представление следователя об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, выносимое в порядке части 2 статьи 158 УПК РФ, либо меры по обеспечению сохранности имущества и жилища

подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу, также входят в содержание уголовной ответственности.

Последний довод К. В. Муравьева исходит из того, что и в основе мер процессуального принуждения и в основе мер наказания лежит принуждение, то есть возложение на лицо против его воли негативных, неблагоприятных последствий. Действительно, ряд мер принуждения по своему содержанию имеют значительное сходство с наказанием, что подтверждается нормативным правилом об их зачете при осуждении лица приговором суда. Следует признать, что это сильный аргумент, ведь указанное выше сходство очевидно. Лицо, формально еще не признанное виновным, зачастую претерпевает страдания, которые могут быть не слабее, чем те, которые ему только грозят при осуждении, а иногда и даже более сильные (например, если условия содержания в СИЗО хуже условий пребывания в исправительном учреждении).

Однако здесь необходимо учитывать следующие соображения. Во-первых, содержательное сходство некоторых мер процессуального принуждения и мер наказания носит частичный характер, что само по себе ставит вопрос о тех мерах, которые не соотносятся с наказанием. По сути, здесь речь идет только о некоторых мерах пресечения.

Во-вторых, как известно, основная цель мер принуждения в состязательном процессе, где по идее доминирует презумпция невиновности, не кара, а обеспечение нормального хода судопроизводства, и именно эта цель и предопределяет их предназначение.

В-третьих, не совпадают и сроки применения наказания и мер принуждения, что указывает на их различную правовую природу.

В-четвертых, отсутствует обязательная корреляция между мерами процессуального принуждения и назначением мер уголовного наказания (за исключением ст. 72 УК РФ), выражающаяся в том, что суд может назначить виновному более мягкое наказание, чем ранее применявшаяся мера пресечения, или же наоборот. В-пятых, не совпадает и фактическое основание уголовной ответственности и мер процессуального принуждения (в первом случае речь идет о виновности, а во втором — об обоснованном подозрении).

Иначе говоря, единственным основанием уголовной ответственности в правовом государстве является факт установления по итогам судебного разбирательства в действиях (бездействии) всех признаков состава преступления, а

основанием применения мер процессуального принуждения, причем далеко не единственным, лишь предположение о причастности лица к преступлению (подозрение). Как подчеркивается в процессуальной литературе, «меры процессуального принуждения, не могут рассматриваться в качестве разновидности какой-либо юридической ответственности, поскольку всякая юридическая ответственность является прямым следствием доказанного факта нарушения определенной нормы материального права и любая юридическая ответственность есть категория материального права» [14, с. 26—27].

Что касается правила о зачете времени применения отдельных мер пресечения в срок некоторых видов наказания, закрепленных в статье 72 УК РФ, то здесь следует вести речь об их сопряженности, которая возникает после вынесения приговора суда, устанавливающего наличие уголовно-правового отношения и констатирующего обязанность причастного лица понести ответственность в связи с этим. Если суд принимает решение о зачете, например, срока заключения под стражу в срок лишения свободы, то здесь, как представляется, происходит преобразование меры пресечения в материально-правовое средство реализации уголовной ответственности путем зачета их срока применения. Такое преобразование становится возможным в силу общности тех ограничений (лишение свободы), которые и составляют содержание как мер наказания, так и мер процессуального принуждения. Суд здесь, по сути, констатирует, что осужденное лицо при производстве по уголовному делу уже понесло эти самые ограничения, в силу чего применять меру наказания в виде лишения свободы, что называется «с нуля», негуманно.

Аргумент же о едином субъекте реализации мер наказания и отдельных мер пресечения (ФСИН России), на наш взгляд, не является валидным, так как отнесение к компетенции одного ведомства указанных полномочий объясняется как историческими причинами, так и той самой схожестью характера данных мер.

Ну и, наконец, последнее соображение, которое относится в целом к позиции «уголовная ответственность — меры процессуального принуждения». По нашему убеждению, уголовная ответственность в правовом государстве не может быть возложена при неустановлении виновности лица в совершении преступления, подтвержденной по итогам состязательного судебного разбирательства актом правосудия, то есть судебным решением, вступившим

в законную силу. Примечательно в этой связи К. В. Муравьев признает, что специфика применения мер процессуального принуждения как начального этапа привлечения к уголовной ответственности заключается среди прочего и в том, что это происходит в отсутствие доказанной вины, отрицательной уголовно-правовой оценки содеянного со стороны государства, которая дается в судебном акте правосудия. Эта логика розыскного процесса, где следственная власть начинает привлекать к уголовной ответственности лицо еще задолго до того, как в условиях арбитражного трехстороннего метода (суд—стороны) суд установит основание уголовной ответственности, а собственно роль суда, действующего в тесном содружестве с обвинением, сводится к проверке результатов досудебного производства. Если мы отталкиваемся от концептов «правовое государство», «верховенство права» и т. д., то такая логика представляется не согласующейся с этим и должна быть признана неприемлемой.

Список источников

1. Строгович М. С. Уголовный процесс. М.: Юридат, 1964.
2. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965.
3. Лившиц Ю. М. Материальное содержание основания уголовной ответственности // «Правоведение». 1963. № 3.
4. Багрий-Шахматов Л. В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации: курс лекций (1998—2000). Одесса: АО Бахва, 2000.
5. Марцев А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений: учеб. пособие. Омск: НИИРИО ОВШ МВД СССР, 1973.
6. Огурцов Н. А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1975.
7. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976.
8. Бархатова Е. Н. Доктринальные вопросы уголовной ответственности в российском уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8.
9. Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра. юрид. наук. Омск, 2017.
10. Муравьев К. В. Применение мер пресечения как процессуальный этап реализации уголовной ответственности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9). С. 27—35.
11. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи

51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2022).

12. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.

13. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

14. Ключков Е. М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974.

References

1. Strogovich M. S. Criminal process. Moscow: Yurizdat Publ., 1964. (In Russ.)
2. Fatkullin F. N. Charge and judgment. Kazan, 1965. (In Russ.)
3. Livshits Yu. M. The material content of the basis of criminal liability. *Jurisprudence*, 1963, no. 3. (In Russ.)
4. Bagriy-Shakhmatov L. V. Social and legal problems of criminal liability and forms of its implementation: a course of lectures (1998—2000). Odessa: AO Bakhva Publ., 2000. (In Russ.)
5. Martsev A. I. Criminal liability and general prevention of crimes: textbook. Omsk: NIIRIO OVSH MVD USSR Publ., 1973. (In Russ.)
6. Ogurtsov N. A. Legal relations and responsibility in Soviet criminal law. Ryazan, 1975. (In Russ.)
7. Bagriy-Shakhmatov L. V. Criminal liability and punishment. Minsk, 1976.
8. Barkhatova E. N. Doctrinal issues of criminal liability in Russian criminal law. *Actual problems of Russian law*, 2019, no. 8. (In Russ.)
9. Muravyov K. V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law. Dissertation... doctor of legal sciences. Omsk, 2017. (In Russ.)
10. Muravyov K. V. Application of preventive measures as a procedural stage in the implementation of criminal liability. *Siberian criminal procedure and forensic readings*, 2016, no. 1 (9), pp. 27—35. (In Russ.)
11. On the case of checking the constitutionality of the provisions of the first part of Article 47 and the second part of Article 51 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 11-P of June 27, 2000. Access from the references legal system "ConsultantPlus" (accessed 09.04.2022). (In Russ.)
12. Kornukov V. M. Measures of procedural coercion in criminal proceedings. Saratov, 1978. (In Russ.)
13. Daev V. G. The relationship of criminal law and process. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1982. (In Russ.)
14. Klyukov E. M. Measure of procedural coercion. Kazan, 1974. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Лапатников — кандидат юридических наук, доцент.

M. V. Lapatnikov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.